

Се Жунхуа была старшей дочерью, и когда она родилась, Се Хуань был ещё молодым, полным юношеского пыла.

Цзян Цзинсин прокомментировал:

— Звучит так, как будто это стиль вашей семьи.

— Но это естественно, — он откинулся назад, смеясь. — Кто не любит красоту, кто не хочет быть талантливым, кто не хочет жить в роскоши?

Се Хуань скучающе сказал:

— Это скучно, скучно. С нашим происхождением и опытом разве мы не видели этого достаточно? Видел много, и это стало скучным.

Он встал, поднял бокал к луне:

— Я долго смотрел и понял, что чистота — это самое редкое. Люди часто сравнивают луну с чистотой. Я надеюсь, что Ацзи будет той самой лунной, которая видит красоту мира, но остаётся далеко от грязи и пороков.

Цзян Цзинсин притворно вздохнул:

— Не знаю, как Се Чуи будет обижена на твою привязанность.

Се Хуань серьёзно ответил:

— Значения разные, но это лучшее, что я мог придумать тогда. Чуи и Ацзи — оба мои сокровища, зачем сравнивать?

Цзян Цзинсин:

— Как кисло.

Он добавил:

— Но кисло с умом.

Се Хуань вздохнул:

— Честно говоря, я тебе завидую.

Цзян Цзинсин не мог понять, что в его положении, когда он даже пил вино в резиденции правителя Фэнлина, могло вызывать зависть Се Хуаня:

— Завидуешь моему одиночеству или моей бедности?

Се Хуань сделал вид, что не понял намёка:

— Ты родился в знатной семье, и знаешь, что происхождение иногда не слава, а бремя. Быть свободным и независимым — это лучше.

— Это звучит слишком кисло, мне даже неудобно продолжать. Без семьи Се я бы ничего не стоил, не могу пользоваться преимуществами и жаловаться. — Се Хуань улыбнулся, выпил

вино и ответил:

— Нет, я завидую тебе как человеку.

— Понятно, — легко сказал Цзян Цзинсин. — Тогда я завидую твоим деньгам.

Се Хуань рассмеялся:

— Если так, то я завидую твоему мастерству. В молодости я всегда думал, что когда-нибудь сравняюсь с тобой и отомщу.

— В следующей жизни, — Цзян Цзинсин посчитал время. — Ты уйдёшь на тридцать лет раньше, и, если повезёт, сможешь обидеть меня в следующей жизни.

Се Хуань смеялся, забыв о приличиях:

— Если уйду раньше, стану твоим отцом.

Не поздно ли сейчас признать Се Хуаня отцом?

Цзян Цзинсин размышлял над этим вопросом, пока сам не начал смеяться.

Се Хуань, несмотря на свою кислоту, был прав в одном.

Со временем понимаешь, что чистота — это самое редкое.

Он тоже хотел, чтобы Ацзи видел только красивое и хорошее, хотел быть рядом с ним каждый день, защищая его от всего злого и опасного, чтобы он жил в облаках счастья, и его улыбка делала всё стоящим.

Цзян Цзинсин вздохнул, вдруг почувствовав облегчение, что меч Бацзи понял его чувства раньше, чем он сам, и нарисовал линию, которую нельзя пересекать.

Цзян Цзинсин был бесстрашным, и мнение мира, его правила были для него слишком малы. Но он боялся сказать Се Жунцзяо правду.

Он боялся, что Ацзи увидит его грязные желания под маской благородства.

Он боялся, что Ацзи возненавидит его.

Любовь рождает страх.

Если бы Се Жунцзяо был его ровесником, он бы преодолел все препятствия, чтобы добиться его.

Но Се Жунцзяо был его учеником, и он, как учитель, не мог позволить себе влюбиться в него.

— Если так, то Глава племён обладает аурой Сюаньфу? — Се Жунхуа удивилась. — Я не сражалась с ним, но среди этапа Небесного Человека он считается сильным. Я не сталкивалась с ним напрямую, но в битвах важно не только мастерство командира.

С Цзян Цзинсином рядом, который вовремя направил Ли Чжисюаня в правильное направление, они, хоть и с трудом, добрались до лагеря Армии Гуйюань. Это было достижение, достойное празднования.

Ли Чжисюань со слезами на глазах сказал:

— Не думал, что смогу пойти правильным путём.

Видимо, ему повезло.

Если бы не удача, он бы никогда не встретил людей из Секты Закона в пустыне.

Цзян Цзинсин вздохнул:

— Будда, должно быть, задолжал тебе много денег в прошлой жизни.

Иначе как он мог бы прожить двадцать лет в безопасности?

Будда, с его великодушием, вероятно, простил бы Цзян Цзинсина за его мысли о деньгах.

Вернувшись в лагерь, первым делом они сообщили Се Жунхуа о событиях в Городе Сюанью, которую она давно ждала.

Се Жунхуа, не стесняясь, сказала:

— Цзян Цзинсин, будь осторожен. У меня есть отличное вино для Главы племён, которое трудно найти в Девяти Областях. Если ты его испортишь, это будет обидно.

Она была мастером слов, и неудивительно, что подружилась с Лу Биньвэем.

Се Жунцзяо слегка нахмурился:

— Ацзе, если Глава племён умрёт, это будет радость для всех.

Цзян Цзинсин улыбнулся:

— Не волнуйся, Се Чуи, твоё вино останется целым.

Се Жунхуа с подозрением посмотрела на него, размышляя, не стоит ли пригласить старшего из Секты Закона, чтобы проверить, не одержим ли Цзян Цзинсин злым духом.

Если бы он знал о её мыслях, он бы, вероятно, немного расстроился.

Именно потому, что он не был одержим и знал, какую роль она играет в сердце Се Жунцзяо, они могли спокойно разговаривать.

— Человек, называвший себя посланником бывшего Главы племён, — это Моло.

Лу Биньвэй был слаб в бою, но мастерски владел магией символов, и его навыки в предсказаниях были впечатляющими.

— Нанести символы на кость Сюанью и активировать их. В наше время только Моло мог бы это сделать. Даже для него это было бы большим ущербом. Можно проверить, был ли он в затворничестве пятьдесят лет назад.

Се Жунхуа прямо сказала:

— Моло либо в затворничестве, либо на пути к нему.

Цзян Цзинсин без извинений:

— Пятьдесят лет назад я ещё не родился, извините.

Се Жунцзяо добавил:

— Я тоже не родился, но можно проверить записи.

Се Жунхуа, играя с палочками, спросила:

— Моло такой хороший? Он пожертвовал своей силой не для себя или своих демонических культиваторов, а для Главы племён? Он не выглядит как альтруист.

Цзян Цзинсин задумчиво сказал:

— Наставник государства упоминал, что мать Главы племён — Божественная дева Западной Пустоши.

Две пары глаз устремились на него, но Се Жунцзяо оставался равнодушным.

Цзян Цзинсин продолжил:

— Больше я не знаю.

Се Жунхуа:

— ...

Она сдержала желание бросить в него палочки и предположила:

— Может, мать Главы племён — сестра Моло? Или его бывшая любовница? Но Моло не выглядит как человек, который жертвует своей силой ради любви.

— Бывшая любовница исключена, иначе Глава племён бы не родился. — Цзян Цзинсин подумал и предположил:

— Может, он должен деньги?

Се Жунцзяо передал ему чай, намекая, чтобы он замолчал:

— Лучше обсудим, как убить Главу племён.

Если бы Глава племён был один, Цзян Цзинсин убил бы его одним или двумя ударами. Но его окружали войска, и двенадцать племён защищали его от таких, как Цзян Цзинсин.

[Пусто]